

Размышления над новой книгой

© 2025 г.

Л.Г. ТИТАРЕНКО

ЖИЗЕННЫЙ МИР ПРЕКАРИЕВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by).

Аннотация. Обсуждаются положения коллективной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» (под ред. Ж.Т. Тощенко, 2024 г.), завершающей многолетнее исследование по проблемам прекаризации, проводившееся научным коллективом РГГУ с 2012 г. Вышедшие за эти годы работы с разных сторон и в разном масштабе анализировали ту специфическую характеристику труда (а в последних двух монографиях – образа повседневной жизни занятого населения в целом) в современном российском обществе, которая известна как прекаризация, т.е. нестабильность и неустойчивость занятости значительных групп населения, имеющая тенденцию, по мнению авторов, превратиться в характеристику жизнедеятельности россиян. Рецензируемая монография представляет картину жизненного мира российских трудящихся, которая анализируется в теоретических рамках концепций прекаризации и социологии жизни. Монография дает читателю множество исследовательских данных, которые использованы авторами для описания противоречивых социально-экономических, социально-политических, духовных процессов, развитие которых привело в последние десятилетия в России к появлению таких негативных феноменов, как прекаризация труда, отчуждение населения от управления и культуры, рост социального неравенства. Авторы ищут пути противостояния негативным тенденциям во всемобщем базовом доходе и усилении социальных гарантий для всех граждан, хотя приведенные в монографии данные пока не дают основания для надежд на скорое «оздоровление» российского жизненного мира.

Ключевые слова: прекарность • занятость • прекаризация жизнедеятельности • жизненный мир • Россия • поздний капитализм

DOI: 10.31857/S0132162525030125

Об особенностях исследования. Работа по проблематике прекаризации, проводимая под руководством Ж.Т. Тощенко более десятилетия, может быть названа титанической по своим целям и охвату материала. С начала изучения проблемы и до сегодняшнего дня коллективом было проведено пять общероссийских социологических исследований и выпущено пять монографий: «Жизненный мир россиян» (М., 2016), «Прекариат: от протокласса к новому классу» (М., 2018), «Прекариат: становление нового класса» (М., 2020), «От прекарной занятости к прекаризации жизни» (М., 2022), «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» (М., 2024)¹. Первая книга посвящена характеристике

¹ Ссылки на страницы рецензируемой монографии будут даны в тексте в круглых скобках.

повседневной жизни россиян с акцентом на рост нестабильности труда, отражающейся на всей жизни. Вторая и третья монографии (написанные Ж.Т. Тощенко) анализируют превращение прекариата в «новый опасный» класс. Четвертая коллективная работа показывает, что в России происходят процессы нарастания прекарности не только в сфере труда, но и в других областях социальной жизни. Рецензируемая монография обобщает опыт всех проведенных исследований и характеризует прекарный жизненный мир экономически активного населения современной России, т.е. работников сферы труда.

На протяжении этих лет авторы сохраняли целостность видения проблемы и взгляда на российское общество, которое постепенно превращается, по их мнению, во все более отчужденное для граждан не только в их отношении к процессу и продуктам трудовой деятельности [Тощенко, 2018: 211], но и в отношении практически ко всем жизненным благам в основных сферах жизнедеятельности (с. 61). Если в первых работах в качестве рамочной концепции выступала теория «общества травмы», то позднее это место заняла преимущественно «социология жизни» [Жизненный..., 2016: 23], а прекаризация жизни стала объясняться как новая важная характеристика жизненного мира (ЖМ) граждан.

Ж.Т. Тощенко по праву известен как главный российский специалист, глубоко разрабатывающий проблему прекарности труда и прекаризации современной жизни. Обратившись к разработке социологии жизни, ученый сумел представить читателю широкую палитру проявления в России современного (негативного для развития общества) процесса лишения человека труда основных социальных гарантий, которые многие десятилетия и в развитых капиталистических странах, и в СССР считались неотъемлемыми, т.к. были завоеваны трудящимися и закреплены в законах. Эти трудовые завоевания оказались под угрозой, когда современное позднекапиталистическое общество (не только российское) достигло фазы развития, где интересы широких масс работников входят в жесткое (зачастую антагонистическое) противоречие с объективными потребностями становления новых производственных отношений в условиях цифровой трансформации и роста креативности экономики. На этой фазе современный человек во всех выделенных в монографии социальных проявлениях – гражданина, жителя определенной территории, работника, участника межличностного повседневного общения – оказался подчинен надличностным антигуманным силам, превратившим его жизнь в непредсказуемую, а труд – в деятельность, лишенную социальных гарантий и перспектив.

Основная характеристика современного ЖМ в понимании Ж.Т. Тощенко – «прекарность – принципиально новое явление социально-экономических отношений, означающее наличие социальных слоев, общностей и групп, которые олицетворяют отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества, и испытывающих особые, специфические и даже изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, что в конечном счете сказывается на их качестве жизни» (с. 59). В рецензируемой монографии два ключевых понятия – прекарность и жизненный мир – раскрываются в отношении занятого населения России, поэтому ожидаемо, что авторы прежде всего описывают российские особенности их прекарного ЖМ.

В предисловии, написанном акад. Г.А. Тосуняном, прямо сказано, что работа посвящена «особенному, специфическому аспекту труда в современном российском обществе – его прекаризации, т.е. нестабильности и неустойчивости профессиональной занятости значительных групп населения» (с. 11). Уже здесь вскрывается то антагонистическое социальное противоречие, которое породило прекариат: рост деструктивных тенденций в экономике, который привел не к ожидаемому от цифровой трансформации радикальным позитивным изменениям, а к нарастанию негативных трендов как, собственно, в экономике, так и в положении людей, занятых самым разным трудом.

Монография состоит из двух частей (16 глав). Авторы монографии не ставят цели докопаться до глубинных причин данного противоречия, так как это не входит в круг задач, которые ими были поставлены. Их цель – представить феноменологическую картину происходящего процесса во всех деталях, которые можно было получить количественными

методами исследования. Поскольку особый фокус монографии сделан на ЖМ трудящихся, все проблемы анализируются сквозь призму этого понятия, которое, так же, как и труд, включает в себя объективные факторы и субъективные устремления людей.

Использованный инструментарий и методы анализа данных – недостаток, который приходится отмечать. Количество проведенных опросов впечатляет, но прямое сравнение полученных в них данных зачастую некорректно, поскольку (несмотря на репрезентативность) выборки очень разные, а сами вопросы были изменены в 2022 г. по сравнению с базовым инструментарием 2018 г. Выделенное количество профессиональных отраслей слишком большое (12), чтобы получать точные сравнительные результаты ядра, периферии прекариев и стандартных работников по каждой отрасли. Вероятно, по причине недостаточной доказательности становления прекариата как класса буквально во всех сферах деятельности (т.е. ЖМ), авторы глав просто повторяют этот общий вывод, что не может не вызывать вопросов у заинтересованного читателя: неужели все занятое население России выступает как постоянно растущее трудовое сообщество прекариев²? Логически следует, что прекариев нет только в российской элите, а деформации труда основной массы трудящихся стали необратимы.

Жизненный мир как теоретическая рамка исследования прекариев. На протяжении многих лет Ж.Т. Тоценко создавал собственную, оригинальную концепцию ЖМ, которая базируется на его социологии жизни и к настоящему времени инкорпорирует в себя другие концепции, разработанные ранее (общество риска, ноумены). Поскольку автор имеет право на собственное понимание и трактовку ЖМ, нет смысла в рецензии сравнивать эту концепцию с другими подходами к ЖМ. В рецензируемой монографии сказано, что понятие ЖМ «является конструктивным определением многообразия жизненных ситуаций, объединяющим в единое целое все проявления осознания и деятельности людей в окружающем их мире» (с. 398).

Ж.Т. Тоценко определяет ЖМ много раз. Не повторяя этих определений, подчеркнем, что ЖМ – это «комплексная характеристика многообразия сущностных сил человека, социальных групп и общества», «единство объективного и субъективного, что в социологической интерпретации предполагает синтез реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии; деятельности, действительного поведения людей; условий, в которых они реализуются» (с. 30). Это принципиальный тезис, поэтому каждый автор монографии пытается совместить описание объективного и субъективного мира своего объекта исследования (группы, общности) с раскрытием особенностей социальной среды его существования. Структуру ЖМ образуют смыслы жизни, которые выражают целостное видение мира человеком. Поскольку проявлений ЖМ множество, авторы монографии сосредоточили внимание на «его состоянии, тенденциях и проблемах, отражающих как общие, так и специальные черты жизнеустройства людей в основных сферах общественной жизни – экономике, политике, социальной и духовно-культурной жизни» (с. 32). Появление и развитие прекаризации наиболее весомо проявляется в сфере занятости и социальной структуре. В монографии акцент сделан на труде в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте и в сфере услуг (с. 33).

Характеристике ЖМ посвящена первая (основополагающая для книги) глава, где представлены теоретические основы исследования, на которых базируются анализ и интерпретация данных. Обзор этой главы позволяет выявить некоторые замечания, которые в последующих главах находят как теоретическое, так и эмпирическое подтверждение.

Выявление множества подтверждений противоречивого развития российской экономики, слабости или отсутствия социальных институтов, необходимых для эффективно продвижения на этапе постиндустриализма и цифровых трансформаций, не приводит

²Для точности заметим, что в заключении к монографии все же сказано о становлении прекариата как «гипотезе авторов» (с. 398–399), а не доказанной теории, но в содержании глав ситуация представляется иной.

авторов к выводу о том, что необходимы серьезные структурные реформы в обществе, которое с 1990-х гг. культивировало такой модус капитализма, который обычно называется «диким» или нецивилизованным. Раздел общественных фондов и других богатств России между представителями «новой элиты» не мог привести к иным результатам, нежели нынешние – это закономерный итог избранного курса, приведшего к росту эксплуатации и неравенства, потере социальных гарантий, низким заработным платам и т.п. Отдельные названные меры «улучшения» ситуации вряд ли изменят эту ситуацию, даже будучи внедрены в законодательство. Нужны радикальные перемены, включающие создание новой концепции развития общества, практическое формирование новых институтов, стимулирование креативного класса и т.п. В работах некоторых других российских авторов (А.Ю. Чепуренко, Б.Н. Миронов, Ю.А. Красин) подобные выводы в какой-то мере не раз делались.

В сфере занятости один из пяти выделенных ключевых индикаторов проявления прекарности – трудовой договор, поскольку именно отсутствие бессрочного трудового договора превращает труд в прекарный. В монографии приведена статистика, согласно которой около 30% занятого населения не имеет такого договора, вследствие чего выводится тенденция, что труд почти всех занятых превращается в прекарный. Действительно, без трудового договора ЖМ воспринимается гражданами более негативно, но таких индикаторов, фиксирующих нюансы его восприятия, можно найти много, и не все они будут поддерживать концепцию роста прекарности труда. Учитывая, что индивидуализм в XXI в. превратился в одну из ведущих черт глобального общества, можно полагать, что неустойчивым делают занятость также желание работников сменить труд по массе причин, равно как и постоянный поиск лучшего, изменение личных обстоятельств жизни работника и т.д. Что касается «перспектив публичной и приватной жизни» (с. 36), они определяются обществом, наличием в нем привлекательной и разделяемой большинством модели будущего, а не только и не столько трудовой жизнью индивида. Устойчивость занятости – вообще черта, уходящая в прошлое, ввиду объективной динамики развития экономики и других сфер жизни. Не всем это нравится, не все трудящиеся могут успешно адаптироваться к переменам, но они неизбежны на всех уровнях. Эту характеристику нынешней трудовой ситуации в России применительно к мобилизационной экономике общества в условиях новой геополитической ситуации уже отмечал А.Л. Темницкий в рецензии на предыдущую монографию коллектива под руководством Ж.Т. Тощенко [Темницкий, 2023: 162], она сохраняет свою актуальность и сегодня. Те же запросы проявляются в развитых западных странах в совершенно иных условиях, что подтверждает их объективность [Kalleberg et al., 2022; Lee, 2019].

Авторы монографии совершенно правы, констатируя рост социального неравенства в обществе (с. 38). Но об этом постоянно пишут и другие социологи (М.К. Горшков, М.Ф. Черныш, Н.Е. Тихонова), не связывая данную тенденцию с прекариатом. В ретроспективном плане Россия всегда отличалась высокой чувствительностью к социальному неравенству, которое было столь же значимым, как и рост социально-экономического расслоения населения. Вся история современной России демонстрирует его рост, особенно в эпохи кризисов. Однако рост социального неравенства имеет место во всем мире, поскольку социально-экономический кризис является глобальным. Более 10 лет назад Асемоглу и Аутор писали, что результатом технологического прогресса является неизбежная поляризация рынка труда, ведущая к «вымыванию» многих профессий при росте спроса на труд с максимальной и минимальной зарплатой [Acemoglu, Autor, 2011].

Что касается удовлетворенности трудом, то, согласно другим исследованиям, она выше в России, чем удовлетворенность жизнью [Темницкий, 2023: 159], тогда как в западноевропейских странах имеется обратная тенденция. Однако исследователи предостерегают от «широких обобщений» эмпирических данных отдельных стран ввиду наличия многих локальных факторов экономики [Trappmann et al., 2023], что нужно учитывать и в России. Иначе говоря, нельзя установить прямую корреляцию между удовлетворенностью

ситуацией на рабочем месте и жизнью: их взаимосвязи включают множество других факторов влияния. Лежащая на поверхности связь precariousности труда с самооценкой удовлетворенностью трудом работниками свидетельствует о росте негативных тенденций в трудовой сфере, но не о детерминации удовлетворенности жизнью трудом. Как бы высоко ученые ни ценили социальную важность труда, какую бы высокую долю зарплаты ни занимает в структуре доходов (с. 141), в иерархии ценностей россиян труд давно не занимает ведущее место, поэтому и общая оценка удовлетворенности жизнью (при любой зарплате) не зависит напрямую от труда, хотя и влияет на нее [Титаренко, Карапетян, 2024]. Поскольку проблематика труда всегда занимала особое место в отечественной социологии, тщательный анализ новых данных необходим, чтобы объективно оценивать ситуацию и тенденции ее развития.

Отдельно следует поговорить о формировании нового класса – прекариата. Ж.Т. Тощенко, следуя известной концепции прекариата Г. Стэндинга [2014], приходит к выводу, что и в России можно говорить об этом феномене (с. 36). Прекариат был известен и до Стэндинга, поскольку «для социальной стратификации общества позднего капитализма характерны диффузия классов и активное формирование меж- и внутриклассовых слоев» [Бузгалин, Колганов, 2019: 18]. Прекариат, согласно данному подходу, – продукт распада классической социальной структуры капитализма в эпоху зарождения «креативной революции». Эта эпоха размывает классы и порождает не только креативный протокласс, но и его alter ego (Бузгалин) – прекариат, порожденный невозможностью преодолеть реальные социально-экономические противоречия. Данный протокласс заинтересовал Ж.Т. Тощенко, поскольку он постепенно перерос в «новый опасный» класс. Однако в монографии не раскрыто однозначно, в чем состоит его опасность, кроме деструктивности в отношении самое себя. Можно предположить, что прекариат станет могильщиком позднего капитализма, хотя будущей движущей силой развития общества, скорее, может стать креативный класс, который также находится в процессе противоречивого становления. Пока такая возможность не существует даже потенциально ни в одной стране, включая Россию, где прекарии, недовольные своим положением, продолжают жить своей обиденной жизнью, страдают, проявляют неудовлетворенность трудом и жизнью, но не ищут путей коллективного выхода из ситуации (если не считать частой смены работы на индивидуальном уровне). В монографии этого выхода также не показано, хотя подробно разобраны такие подходы к улучшению ситуации, как введение базового дохода и повышение социальных и правовых гарантий для всех занятых. Если в более ранней работе Ж.Т. Тощенко писал о том, что рост прекаризации труда является следствием роста эксплуатации работников и наступления капиталистических отношений на социальные завоевания [Тощенко, 2018], то в настоящей монографии столь четкий вывод о причинах негативных процессов в экономике и жизни в целом и тем более о необходимости реформ социальных институтов не был артикулирован.

В монографии не представлена и позитивная перспектива развития России. Возможно, она не фиксируется в массовых опросах и слабо рефлексирована массовым сознанием, однако эксперты, коими являются авторы монографии, могли использовать более тонкие методы анализа, чтобы выявить и теоретически обрисовать эту позитивную перспективу. В научной литературе можно найти идеи по конструированию перспектив построения иного типа общества, способного преобразовать precariousность. Возможно, этому помешали избранные «традиционные» методы сбора данных.

Пространство жизненного мира россиян представлено в остальных главах первой части монографии, где раскрываются общие тенденции и черты повседневной жизни людей. Глава 2 (Р.И. Анисимов) посвящена проблеме прекаризации труда и динамики занятости, которые перерастают в прекаризацию жизни (с. 91). На с. 64 уточняется, что «объектом анализа являлись люди, работающие в промышленности, строительстве и на транспорте, объединенные нами в группу «работники производства». За основу этого анализа был взят «индекс precariousности» и выделены три группы: стандартные

(не имеют признаков прекарности), периферия прекариата (1–2 признака прекарности), ядро прекариата (3 и более признаков). Применяв эти критерии, автор утверждает, что «большинство занятых в производстве относятся к прекарным слоям» (с. 71), хотя таблица 2.3 показывает, что всего за четыре года ядро прекариата уменьшилось почти на 8%. Однако, по мнению Р.И. Анисимова, прекарная сущность трудовых отношений не изменилась за последние годы. Для понимания этой ситуации он напрямую обращается к концепции «общества травмы», используя ее общие положения. Однако можно ли напрямую объяснять эмпирические данные ссылкой на теорию общества? Оставим этот вопрос для самого автора.

На с. 76 монографии дается сравнение работников, удовлетворенных своей работой (по данным 2018 и 2022 гг.). Поскольку в этих исследованиях использовались разные измерительные шкалы, полученные результаты заведомо неточны, что признается и автором (и не только в данном вопросе). Опыт подсказывает, что с учетом большого объема рабочих часов, низкой зарплаты и производительности труда, вообще невозможно ожидать роста удовлетворенности трудом у работников. Поскольку менее пятой части российских трудящихся (по данным авторов) состоят в профсоюзах в целом, логично, что на уровне институтов стало некому защищать их социальные гарантии и другие условия труда, которые со времен Маркса требовали их отстаивания у работодателей.

Снижение количества людей, считающих, что их жизнь в ближайшем будущем улучшится (с. 87), с учетом непростого времени проведения опроса (2022) вполне логично. Автор главы отмечает также влияние «третьих» факторов на результаты, но на его заключение о прекарнизации жизни это никак не повлияло. Финальный вывод главы состоит в поддержке общей гипотезы исследования: «...процессы прекарнизации труда распространяются на всю деятельность человека, и можно утверждать о появлении и распространении нового социального феномена – прекарнизации жизни» (с. 91).

Ситуация трансформации занятости в России анализируется А.В. Поповым и Т.С. Соловьевой (глава 3) в сравнении с некоторыми зарубежными странами, что важно для понимания глобальности феномена прекарности. Авторы показывают: российские изменения занятости идут в том же русле, что и в странах G7 (с. 108), что закономерно, поскольку в России тоже развивается капитализм (хотя в иной форме). В контексте современной цифровой трансформации в обществе происходят и позитивные изменения, отмечаемые авторами: развитие креативности, когда она востребована экономикой, адаптация занятости населения «под выполнение работ, связанных с решением когнитивных и технологических задач, а также межличностным взаимодействием» (с. 108). Замечен рост «постиндустриальной парадигмы занятости, которая уже сейчас находит свое широкое отражение в условиях российской действительности» (с. 109), хотя прекарнизация остается одним из «наиболее значимых вызовов трансформации занятости».

Из общей логики изложения первой части монографии, сфокусированной на наиболее важных сферах труда и культуры, несколько выбиваются две главы, посвященные безусловному базовому доходу (глава 4, А.П. Лазенкова) и социальным гарантиям (глава 5, А.В. Кученкова), поскольку в них предложены те или иные ответы на главные проблемы исследования еще до того, как они подробно будут раскрыты во второй части. Тем не менее авторы были вправе представить логику исследования по-своему: базовые понятия, основные проблемы прекарнизации жизни и возможные пути их решения.

Высокая доля озабоченности звучит в главе 6 о превращенных формах социально-политической активности. М.С. Цапко использует марксистский подход к идеологии как ложному сознанию, согласно которому российское население строит свои суждения о социальной реальности на основе превращенных форм сознания. Отсюда следует, что различные современные формы социально-политической активности также являются далекими от реальной жизни и ее объективных потребностей. Видимо, в этом ракурсе следует оценивать ответы населения по поводу текущей ситуации, которая называется опасной, низкого уровня участия в различных формах голосования. При общем невысоком уровне

доверия к институтам власти тем не менее даже прекарии выражают доверие президенту (с. 162), хотя он и ниже, чем у остальных групп. Анализ данных приводит автора к выводу, что «институциональные виды социально-политической активности – суть превращенные» (с. 164): членство в партиях и общественных организациях минимально, только на уровне муниципалитета есть возможность влиять на принятие решений, и то не всегда. Социальные сети используются для формирования протестной массы (с. 168), но и их участие в социальной жизни невелико.

Мировоззрение российских граждан и их базовые ценности описаны И.В. Воробьевой (глава 7). Автор выдвигает гипотезу о том, что мировоззрение отдельного человека во многом зависит от его социального положения и формы трудовой занятости. В контексте монографии проверка этой гипотезы интерпретируется как анализ данных об отличиях мировоззрения работников-прекариев от мировоззрения не-прекариев (с. 177). Проверка сведена к прямому сравнению ответов о ценностях, оценке удовлетворенности жизнью указанных групп работников, самооценкам их политических взглядов. Ввиду отсутствия коэффициентов сопряженности трудно судить, насколько реальны приводимые в таблицах цифры, и что за ними стоит. Можно считать доказанным лишь вывод, что при всем продемонстрированном негативе в мировоззренческой сфере (как и в экономической) ни одна группа трудящихся не ориентирована на коллективные протесты (с. 184) или на изменение ситуации. У всех жизненные планы «сводятся к материальным целям улучшения жизни» (с. 190). Автор даже не вспоминает о своей гипотезе в заключении главы, сообщая лишь то, что имеется «определенное расхождение» в мировоззренческих ориентациях прекариев и не-прекариев.

Особенности жизненного мира социальных общностей и социальных групп раскрываются во второй части монографии. Проанализированы черты ЖМ работников «основных отраслей экономики и культуры». Эти черты проявляются в выделенных Ж.Т. Тощенко «основных сферах общественной жизни» (с. 32). Однако, следуя этой логике, к характеристикам ЖМ работников, занятых в указанных отраслях, можно отнести главы И.О. Шевченко о сельских тружениках, Ф.Э. Шереги и В.И. Савинкова о работниках науки, Г.В. Тартыгашевой о работниках культуры и О.В. Китайцевой о сфере торговли. Остальные главы напрямую не вписываются в эту логику, как и интересные сами по себе главы о гендерных проблемах, эйджизме и мире повседневности. С пониманием относясь к желанию авторов показать особенности эксплуатации женщин в нынешнем российском обществе, которые действительно существуют, отметим, что выделение женщин в особую группу проведено по другому критерию, нежели выделение основных профессиональных групп занятого населения. В еще большей степени это относится к молодежи и пенсионерам, которые анализируются в главах 14 (М.С. Короткова) и 15 (Г.В. Ниорадзе)

Глава 8 о ситуации в сельском хозяйстве не только раскрывает тяжелую экономическую ситуацию, но и акцентирует проблемы нехватки кадров, социальное положение селян, низкий уровень здравоохранения и культуры в деревне. Ничего принципиально нового по сравнению с характеристиками работников производства, выделенными Р.И. Анисимовым, здесь не выявлено, хотя глава написана на высоком профессиональном уровне, проблемы раскрыты детально. В заключении главы намечены направления, которые могли бы улучшить положение сельских тружеников.

Особо выделим главу 10 об условиях труда и материальном положении научных работников, а также их политических и социальных установках. Нынешние условия научного труда, который по своей природе является креативным, авторы назвали близкими к стагнации, а не развитию (с. 247). Продукты труда ученых в условиях классического рынка отчуждаются собственником или государством, а «ученый превращается в пролетария» (с. 249). В этом анализе прослеживается влияние понимания труда при капитализме, присущее работам К. Маркса. Да и сами научные работники оценивают свой труд, главным образом, как источник средств существования. В рыночном российском обществе наука стала сферой услуг. Общая характеристика данной группы, по результатам исследований, мало

отличается от характеристик занятого населения в целом, что свидетельствует о сходстве содержания их массового сознания и деятельности, о потере учеными «особого привилегированного» статуса, их полной зависимости от государства. Общий вывод Ф.Э. Шереги и В.И. Савинкова, сделанный в рамках избранного критического цивилизационного подхода к анализу научных кадров в современном российском обществе, отличается от выводов других глав: «прекариат – это не новый класс наряду с рабочим классом, а трансформация представителей физического и интеллектуального труда в новый тип пролетариата, лишенного не только собственности на средства производства, но социальных гарантий, а в случае научного труда – и права на труд, отчуждаемый вместе с научным продуктом» (с. 260). Это значит, что прекариат – это пролетариат эпохи позднего капитализма и цифровой трансформации общества.

Тот факт, что профессии, которые ранее считались интеллектуальными, приблизились по условиям труда к профессиям наемных работников, хорошо известен из исследований в развитых (постиндустриальных) странах. Еще в прошлом веке Дж. Ритцер в концепции макдональдизации общества утверждал, что все основные сферы деятельности стали функционировать как макдональдс, что резко снизило социальный статус профессий, требующих высшего образования и креативности, повысило неудовлетворенность трудом и стало еще одним свидетельством роста отчуждения работников в условиях кризиса либеральной экономики [Ritzer, 1993]. В условиях России процесс имеет специфику, хотя направление его развития то же самое.

Г.В. Тартыгашева, анализируя сферу культуры (глава 11), справедливо указывает на ряд специфических проблем: обеспечение социокультурной безопасности российского общества, сокращение доступа населения к культурным ценностям, угрозы социокультурного порядка для российской идентичности в связи с насаждением гедонистической модели культуры, недостаточность материальной базы культуры, несмотря на принятые меры ее улучшения, рост культурного неравенства, снижение общего уровня культуры. Растет дефицит кадров культуры, т.к. молодежь не идет в эту сферу. В то же время сами работники культуры имеют высокий уровень удовлетворенности трудом ввиду его творческого характера, проявляют высокий уровень общественной активности и доверия институтам.

Иная картина складывается в сфере торговли (глава 12), которая относится к числу быстро растущих. Как показала О.В. Китайцева, занятые в торговле испытывают довольно высокий уровень прекаризации труда ввиду широко распространенных неформальных отношений и высокой доли малого и среднего бизнеса, а также доли занятых в неформальной сфере. Однако, в отличие от многих других сфер, в торговле много молодежи. По данным опросов, работники сферы торговли сталкиваются с фактами прекаризации занятости чаще, чем работающее население в целом (с. 299), поэтому текучесть кадров высокая, а удовлетворенность трудом низкая.

Глава Е.А. Колосовой как бы обобщает все сказанное ранее об отдельных группах и общностях. В целом позитивно описав повседневность россиян, автор завершает анализ выводом, релевантным для любого общества и эпохи: «Человек в условиях текущих повседневных забот находится в зависимости от происходящих в обществе обстоятельств, на которые он не в силах повлиять» (с. 395). Перефразируя его в духе «Тезисов о Фейербахе», можно сказать, что изменение обстоятельств жизни в лучшую сторону неминуемо повысит оптимизм и жизненное самочувствие россиян, сделает их ЖМ менее прекарным (хотя и не более устойчивым). Однако пока ситуация к этому не располагает. Несмотря на радикальную технико-экономическую трансформацию современного капитализма, его базовые характеристики мало изменились. Собственно, именно эти черты капитализма отмечают и авторы монографии, даже если не делают ссылок на К. Маркса и используют свои термины. Вопрос о том, каким будет дальнейшее развитие российского общества, остается открытым. В этом смысле монография дает новым исследователям значительный стимул.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекаритату и креативному классу // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
- Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2024.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Темницкий А.Л. Затрагивает ли прекарнизация занятости все сферы жизни? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 158–164. DOI: 10.31857/S013216250023437-3.
- Титаренко Л.Г., Карапетян Р.В. Изменяющиеся ценности труда (по материалам российских и зарубежных публикаций) // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 61–72. DOI: 10.31857/S0132162524070077.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Acemoglu D., Autor D. Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings // Ashenfelter O., Card D. (eds) *Handbook of Labor Economics*. Edition 1, 2011. Vol. 4. Ch. 12. P. 1043–1171, Elsevier.
- Kalleberg A.L., Hewison K., Shin K.-Y. *Precarious Asia: Global capitalism and work in Japan, South Korea, and Indonesia*. Stanford University Press, 2022.
- Lee C.K. China's precariat // *Globalizations*. 2019. № 16(2). P. 137–154. DOI: 10.1080/14747731.2018.1479015.
- Ritzer G. *McDonaldization of Society*. London: Sage, 1993.
- Trappmann V., Umney C., McLachlan C., Seehaus A., Cartwright L. How Do Young Workers Perceive Job Insecurity? Legitimising Frames for Precarious Work in England and Germany // *Work, Employment and Society*. 2023. Vol. 38. № 4. P. 998–1020. DOI: 10.1177/095001702311878.

THE LIFE WORLD OF PRECARIES UNDER CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

TITARENKO L.G.

*Belarusian State University, Belarus**Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus (larissa@bsu.by).*

Abstract. The review is devoted to the analysis of the collective monograph “The Life World of Workers: Sustainability versus Precarity,” published in 2024. This work completes a long-term collective study on the problems of precarization that started in 2012 under the leadership of Zh.T. Toshchenko. The books published over the years from different angles described that specific characteristic of work (and in the last two monographs – of everyday life of the population as a whole) in modern Russian society, which is known as precarization. The new monograph presents a broad picture of the life world of Russian workers, interpreted within the theoretical framework of the concepts of precarization and the sociology of life. The work describes the contradictory socio-economic, socio-political, spiritual processes that have developed in the context of digital transformation and have led to the emergence of such negative phenomena as the precarization of labor, the alienation of the population from management and culture, and the growth of social inequality. The review argues that these consequences of contemporary development in Russia can be better understood as phenomena of late capitalism.

Keywords: precarity, employment, precarization of life, life world, Russia, late capitalism.

REFERENCES

- Acemoglu D., Autor D. (2011) Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings. In: Ashenfelter O., Card D. (eds) *Handbook of Labor Economics*. Edition 1, Vol. 4. Ch. 12: 1043–1171, Elsevier.

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Transformation of the social structure of late capitalism: from the proletariat and bourgeoisie to the precariat and the creative class. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)
- Kalleberg A.L., Hewison K., Shin K.-Y. (2022) *Precarious Asia: Global capitalism and work in Japan, South Korea, and Indonesia*. Stanford University Press.
- Lee C.K. (2019) China's precariat. *Globalizations*. No. 16(2): 137–154. DOI: 10.1080/14747731.2018.1479015.
- Ritzer G. (1993) *McDonaldization of Society*. London: Sage.
- Standing G. (2014) *Precariat: a new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2023) Does precarity of employment affect all spheres of life? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 158–164. (In Russ.)
- The Lifeworld of Workers: Sustainability vs Precarity*. (2024) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Titarenko L.G., Karapetyan R.V. (2024) Changing values of work (based on the materials from Russian and foreign publications). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 62–73. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. T. (ed.) (2016) *The Lifeworld of Russians: 25 Years Later (Late 1980s – Mid-2010s)*. Moscow: CSP i M. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: from protoclass to new class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Trappmann V., Umney C., McLachlan C., Seehaus A., Cartwright L. (2023) How Do Young Workers Perceive Job Insecurity? Legitimising Frames for Precarious Work in England and Germany. *Work, Employment and Society*. 2023. Vol. 38. No. 4: 998–1020. DOI: 10.1177/095001702311878.